

Phraseologie und Folklore
Ihre linguokulturelle und linguistische Beschreibung
Kollektivmonografie

**Фольклорная фразеология: проблемы
лингвокультурологического
и лексикографического описания**
Коллективная монография

Отв. ред.

Харри Вальтер (Германия)
Валерий М. Мокиенко (Россия)

Граифсвальд – Санкт-Петербург 2018

UNIVERSITAS
PETROPOLITANA
MDCCXXIV

**Slawische Phraseologie und Folklore:
Ihre linguokulturelle und lexikografische
Beschreibung
Kollektivmonografie**

**Фольклорная фразеология:
проблемы лингвокультурологического и
лексикографического описания
Коллективная монография**

Отв. ред.

Харри Вальтер (Германия)
Валерий М. Мокиенко (Россия)

Редакционная коллегия:

Т.В. Володина (Беларусь), И.В. Кузнецова (Россия),
А.В. Савченко (Россия-Тайвань)

Грайфсвальд – Санкт-Петербург 2018

отношении следствия и т.д. *Wrak Tupolewa, wrak Seicento; pancerna brzoza, pancerne Seicento; wszystkich samochodów nie rozbijemy, ale próbować warto; Mam Seicento i nie zawaham się go (Seicento) użyć* (этот пример представляет собой трансформацию цитаты из польского перевода текста к мультфильму «Шрек» (перевод Б. Вежбиенты): *mam smoka i nie zawaham się go użyć*; в трансформированном виде ставшее крылатым выражение использовано и в названии книги Йоанны Олех о правах ребенка: *Mam prawo i nie zawaham się go użyć*); *Seicento przetrwa wszystko (prawdziwa miłość przetrwa wszystko); Polak potrafi* [текст подкреплен изображением Seicento] (оборот может ассоциироваться с названием телепередачи о ремонте автомобилей на канале TVN Turbo); *kiedy spotykasz na swej drodze kogo z zupełnie innej bajki* (обыгрывание ситуации с использованием разговорного фразеологизма *z innej bajki* 'отличаться от кого-л., не принадлежать к какой-л. группе, сообществу' (см. Czeszewski 2006)). Эти выражения не заново созданы, а трансформированы или актуализированы благодаря наличию визуального компонента (изображения, картинка). Во фразеологизмах этой группы, используемых как вербальный компонент демотиватора, часто сталкиваются их прямое и переносное значение как приём *вербально-визуальной игры*. Думается, что упомянутые обороты связаны не своим происхождением с Интернетом, а с местом размещения их трансформации (например, трансформация известной цитаты (неправильно понимаемой) из произведения («*Do tego co czytasz*») Миколая Рея – *A niechaj narodowie wždy postronni znają, // Iz Polacy nie gęsi, iz swój język mają!*) – *Polacy nie gęsi i swe temy znają* ассоциируется не с текстом писателя, а порой лишь с мемом, размещённым в Интернете. Digital-natives (≈ представители, рожденные в эпоху активного использования Интернета и активно пользующиеся им) пространство Интернета воспринимают как свой мир. Для того, чтобы быть своим в нём (даже не глобальном, а локальном), надо ориентироваться в пространстве Сети.

Языку свойственно меняться и обновляться, в том числе за счёт воскрешения забытых, архаичных единиц. Можно ли назвать найденные в Интернете фразеологизмы (трансформированные, новообразованные окказионализмы и т.д.) э-фразеологизмами? Представляется, что использование термина «э-фразеологизм» по отношению ко всем новым, обновленным (преобразованным/трансформированным) единицам, которые встречаются и передаются пользователями электронным путем (СМС, коммуникатор, Интернет и т.д.), не справедливо и не обосновано. Объясняется это тем, что в расширении терминологического аппарата за счёт сомнительного термина, объём понятия которого накладывается на понятие термина «фразеологический неологизм», нет необходимости. В нестрогом научно-терминологическом плане можно его использовать как вариант «фразеологического неологизма», в качестве уточнения источника происхождения фразеологической единицы, вошедшей в разговорный (напр., польский) язык (при полном осознании и проверки того факта, что

данная единица не может быть этимологизирована при помощи иных до-интернетных источников).

Подведём итоги. Э-фольклор (интернет-фольклор) (в совокупности с данными культуры) и его элементы требуют постоянного отслеживания, аккумулирования, фиксирования (о чем не раз говорили ученые). Методические разработки для этого изложены в статье *Folklorystyka 2.0* Филиппа Гралинского (Graliński). Все материалы важны для этимологизирования э-фразеологии. Все «лексикографические» проекты, которые позволяют on-line внесение и проверку данных, должны стать неотъемлемым элементом при изучении фразеологии в настоящее «виртуально-пространственное» время.

Желька Финк, Философский факультет Загребского университета
(Загреб, Хорватия)
zfink@ffzg.hr

Фразеология и паремиология в тексте современных хорватских граффити⁶

1. До недавнего времени российские фольклористы почти исключительно занимались образцами «классического» фольклора, записанными среди сельского населения, и некоторыми архаичными традициями. Но, «как свидетельствуют данные социологии, во второй половине XX века “классические” устные сельские традиции исчезают, и этот процесс особенно набирает силу вследствие стремительной урбанизации страны в 1970-ые годы» (Неклюдов, режим доступа: www.culture29.ru/.../73bb571cb38f26cf4e596284aacc6b01.pdf). Этот факт сопровождается появлением в фольклорном репертуаре текстов, ранее для него совершенно не характерных. Такие новации были связаны исключительно с городской культурой, и поэтому исследователями всё чаще упоминается современный городской фольклор⁷, под которым условно подразумевается «та область художественного творчества, которая в самых разных формах и видах бытует сейчас в крупных городах. Это явление динамичное, активно развивающееся и трансформирующееся, поэтому классифицировать его можно лишь приблизительно. [...] Современный городской фольклор включает в себя как традиционные жанры

⁶ Работа выполнена в рамках проекта *Primjena frazeološke teorije u frazeografiji* (№ 4054), который финансирует хорватский фонд *Hrvatska zaklada za znanost*.

⁷ Такой фольклор нового типа, место которого не деревня, а город, исследователи называют ещё *постфольклором* (термин С. Ю. Неклюдова), *антифольклором* (термин Н. И. Толстого), *неофольклором* (термин В. П. Аникина), *третьей культурой* (термин В. Н. Прокофьева).

фольклора, адаптированные в современном городском обиходе, так и собственно городские тексты, распространяющиеся в двух формах: устной и письменной» (Современный городской фольклор 2014, 5). В пособии *Современный городской фольклор* предлагается классификация устных и письменных форм городского фольклора.

Устные формы предполагают следующие группы: 1) городской обрядовый фольклор (который делится на общественный бытовой и домашний бытовой); 2) городская фольклорная проза (городские былички, городские бивальщины, городские мемораты, городские легенды, семейные легенды, городские мифы, слухи, сплетни, байки, анекдоты); 3) малые жанры городского фольклора (пословицы, поговорки, современные изречения, современные загадки); 4) городская фольклорная поэзия (городские частушки, городские романсы и новые баллады, песни, песенные переделки популярных произведений, фольклоризированные формы эстрадной и авторской (бардовской) песни, традиционные любовные, семейные, элегические песни); 5) городской детский фольклор (авторские колыбельные, тиражируемые потешки и пестушки, современные нелепицы, нескладухи, считалки и игровые приговорки, дразнилки, современные загадки-шутки, «сади́стские стишки», «страшилки», «вызывания», школьные пародии, школьный толковый словарь); 6) фольклор городских субкультур (молодежной, студенческой, армейской, блатной, профессиональной, компьютерной, региональной).

Письменные формы городского фольклора – это рукописные и печатные песенники, альбомные стихи, поэмы и рассказы, стихотворные подписи к фотографиям, открыткам, письмам, граффити, «святые письма» и «письма счастья», аудиозаписи и видеозаписи, причем они делятся на следующие группы: 1) обрядовый фольклор (сценарии различных праздников, городских гуляний); 2) альбомный фольклор (произведения, которые хранятся в рукописных альбомах, и сами альбомы); 3) эпистолярный фольклор (эпистолы, подписи к фотографиям, поздравления, «магические письма»); 4) граффити.

2.1. Таким образом, граффити представляют собой один вид письменного городского фольклора. Слово *граффити* (от итальянского *graffito*, ед. ч. 'нацарапанный', *graffiti*, мн. ч.) употребляется в двух значениях, причем первое относится к древним и средневековым рисункам и надписям магического и/или бытового характера, нацарапанным на металлических изделиях и сосудах, и они в основном воспринимаются как ценный артефакт культуры и памятник истории. С другой стороны, второе значение является более современным, и оно относится к городскому фольклору. Это не только вид уличного искусства, но и один из самых актуальных способов художественного выражения, это неформальный способ коммуникации между отдельными людьми и группами, способ коммуникации неофициального характера. Хорватский социолог Дражен Лалич выделяет пять факторов данного феномена: техника создания

граффити, место, на котором они находятся, их форма, модели коммуникации и коммуникативная интеракция (Botića 2010, 384, 385).

Можно сказать, что граффити представляют собой неотъемлемую часть городской культуры. Несмотря на тот факт, что в большинстве стран мира нанесение граффити без разрешения считается проявлением акта вандализма и асоциальным явлением⁸, в настоящее время лингвисты, социологи, психологи, антропологи все чаще обращают внимание на содержание современных настенных надписей и рисунков.

2.2. В 2000 году в Загребе вышел сборник современных хорватских граффити (*Suvremeni hrvatski grafiti*), который подготовил Стипе Ботица, доктор филологических наук и профессор Философского факультета Загребского университета. Второе дополненное издание было опубликовано в 2010 г., причём авторами данного издания (*Suvremeni hrvatski grafiti. Od 1992. do 2009.*) являются Стипе Ботица и студенты. Первое издание содержит 813 городских настенных текстовых граффити (с 1992 г. по 1999 г.), собранных в разных городах Хорватии студентами спецкурса «Хорватское устное народное творчество» (отделение Кроатистики на Философском факультете в Загребе). Позднее к загребским студентам присоединились и студенты кроатистики из других городов страны, и, естественно, количество текстовых граффити и городов увеличилось. Второе издание содержит всего 1338 текстов (525 новых текстов за период с 2000 г. по 2009 г.). У всех текстов в этих изданиях указан год, когда они написаны или зафиксированы, и город, а в некоторых случаях (в основном во втором издании) дается и более детальная информация о месте, где находится данная надпись (напр., улица, площадь, район, подземный переход, затем помещение, напр., женский туалет на первом этаже Философского факультета и т. д.). Граффити приводятся в оригинальной форме, т. е. со всеми ошибками, орфографическими и/или грамматическими, и со всеми включёнными словами, включая и вульгаризмы (если они есть)⁹.

Весьма часто в текстах обсуждается актуальная политическая ситуация (в основном в Хорватии), поступки политиков, причем, как можно и предположить, тексты негативно окрашены. Помимо этого, рассматриваются отношения между мужчинами и женщинами, упоминаются любовные проблемы, проблемы в школе и на факультете, затрагивается тема спорта. Часто обсуждается и поведение человека под влиянием алкоголя. Если сравнить текстовые граффити в первом и во втором изданиях, то можно заметить, что в первом издании они носят более общий характер, в то время как во втором они как-то более индивидуальны. Часть текстов в сборнике весьма оригинальна и инте-

⁸ Во многих городах для снижения уровня вандализма, выделяются специальные стены и зоны для граффитчиков.

⁹ В такой форме они приводятся и в настоящей работе.

ресна, наполнена юмором или иронией, иногда сарказмом. Для них часто характерна игра словами, лудизм, двупланность.

Приведём несколько, по нашему мнению, интересных текстовых граффити.

В первом упоминается конкретный политический момент, связанный со сношением Берлинской стены:

ODEM DO BERLINA / DA NAPIŠEM GRAFIT / KAD ONO SRUŠE ZID /Сплит, 1994/

[Я приехал в Берлин написать граффити, как вдруг – стену снесли]

Во втором не без доли юмора даётся определение женщин, учитывающее возрастной элемент, который сопоставляется с истечением гарантийного срока товара:

Žene su djevojke / kojima je prošla garancija. /Загреб, столовая, 2002/

[Женщины – это девушки, у которых истёк гарантийный срок]

Иногда граффитчики затрагивают и библейские темы. Вниманию предлагаются тексты на тему создания человека, проникнутые и юмором, и иронией:

KAD JE BOG STVARA MUŠKARCA, / SAMO JE VJEŽBAO

[Когда Бог создавал мужчину, он только упражнялся]

Другой автор дописывает:

A ZA STVARANJA ŽENE / BIJAŠE MAMURAN! /Сплит, 1994/

[А когда создавал женщин, он еще страдал от похмелья]

BOG JE PRVO / STVORIO MUŠKARCA. / NO, POZNATO JE DA / PRVA PALAČINKA NE USPIJEVA /Загреб, Философский факультет, 1996/

[Бог сначала сотворил мужчину. Но всем известно, что первый блин комом]

Весьма интересным, по нашему мнению, является и текст, в котором граффитчик ссылается на пьесу ирландского драматурга Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо»¹⁰. В нём имя Годо подписано под текстом, в котором указывается, что он сейчас вернется, и таким образом текст граффити отклоняется от содержания самой пьесы:

ODMAH SE VRAĆAM

GODO /Загреб, 1993/

¹⁰ На основе названия и лейтмотива пьесы в хорватском языке образован книжный фразеологизм со сравнительной структурой *čekati (iščekivati) kao Godota koga, što*, причем он, кажется, чаще употребляется по отношению к неодушевленному предмету: *I dok Karlovcani kino čekaju kao Godota, stiže alternativa. Vraća se projekt "Kino u kazalištu" u organizaciji kazališta Zorin dom.*

https://hr-hr.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1073556042739984&id... (доступ 9.3.2017)

Jasno vam je, riječ je o maksimirskom stadionu čija je rekonstrukcija započela još 1997. godine, a njen kraj iščekujemo kao Godota.

www.telegram.hr/.../zasto-planirana-izgradnja-krova-na-maksimiru-kosta-280-milijun... (доступ 9.3.2017)

3. Основная тема данной работы относится к текстовым граффити, включающим разные виды малых жанров или мини-текстов. Часто в них происходит какой-либо тип трансформации (чаще всего это субституция компонентов), ср.

TKO RADI NE SJEDI U VLADI

[Кто работает, не сидит в правительстве]

Автор текста берет первую часть пословицы *Tko radi, ne boji se gladi* (русский эквивалент *Кто работает, тот ест*), а вторая часть заменяется новым текстом, в котором выражается негативное мнение о политиках и об их отношении к работе.

Несмотря на тот факт, что в текстовых граффити весьма часто происходят разные типы трансформаций, влияющих как на форму и компонентный состав, так и на семантический уровень, в работе будут показаны случаи, в которых отсутствуют лексические преобразования.

3.1. Сначала рассмотрим два случая, когда в двух крылатых выражениях происходит трансформация, основанная на изменении порядка компонентов.

В глубинной структуре фразеологизированного крылатого выражения *<i> zidovi imaju uši* (русский эквивалент *у стен есть уши*¹¹) заложен нереальный образ, а самим выражением собеседник предупреждается о возможности подслушивания. В текстовом граффити изменён порядок субстантивных компонентов, и таким образом автор текста либо хотел указать на слуховые ограничения, границы, либо просто хотел добиться эффекта:

I UŠI IMAJU ZIDOVE /Копривница, 2009/

[И у ушей есть стены].

С другой стороны, крылатое выражение Рене Декарта *Mislim, dakle postojim* (русский эквивалент *Я мыслю, следовательно, существую*) сначала приводится в оригинальной форме, причем это служит лишь исходным пунктом, чтобы позже опровергнуть основную идею данного крылатого выражения. Во второй части текста на первое место выдвигается второй глагол, а первый глагол отрицается и подчеркивается с помощью слова *bolje*. Таким образом, не только опровергается идея существования человека как мыслящего субъекта, но и человек сам выбирает позицию немслящего, считая её лучшим вариантом:

MISLIM, / DAKLE POSTOJIM / POSTOJIM. / DAKLE, BOLJE DA NE MISLIM /Загреб, столовая, 1993/

[Я мыслю, следовательно, существую. Существую. Следовательно, лучше не мыслить]

3.2. Теперь представим несколько текстовых граффити, частью которых являются фразеологизмы и пословицы. В отличие от предыдущих

¹¹ Выражение из пьесы Лопе де Вега «Валенсиянские безумцы». Оно употреблено и у Сервантеса в «Дон Кихоте» (БСКСИВРЯ 2009).

двух текстов, в которых произошло изменение порядка компонентов, в следующей части отсутствуют лексико-структурные преобразования, значит, фразеологизмы и пословицы остаются в своей оригинальной форме. Наблюдаются разные типы семантического преобразования.

3.2.1. Фразеологизм *oboriti / obarati s nogu koga* (досл. 'ударом свалить / сваливать *koga*, заставить / заставляя упасть *koga*') употребляется в значении 'привести / приводить в восхищение *koga*, вызвать / вызывать удивление у *koga*'. В первой части текста речь идёт о двойной актуализации, о совмещении фразеологического значения оборота и его образной основы (Мелерович–Мокиенко 2005, 20), но подпись (*пулемёт*) ясно даёт понять, что речь идёт не о двупланности, а о буквализации¹²:

OBARAM LJUDE S NOGU

MITRALJEZ /Дубровник, 1997/

[Сваливаю людей с ног. Пулемёт]

В следующем текстовом граффити употреблён фразеологизм *ubiti boga* и *kome* со значением 'сильно избить *koga*', но на первый план выдвигается дословное значение его компонентов, вызванное значением существительного *ateist*:

POSTAO SAM ATEIST, / UBILI SU BOGA U MENI /Дубровник, 1997/

[Я стал атеистом, убили Бога во мне]

3.2.2. Теперь рассмотрим пять пословиц, включённых в текстовые граффити. Хотя сборник текстовых граффити содержит определённое количество пословиц с разными типами трансформаций, в данной части работы будут представлены пословицы, употреблённые в своей оригинальной форме, без лексико-структурных преобразований, причём все они сопровождаются текстом (чаще всего приведённым после самой пословицы), в котором с разных сторон обсуждается их образная структура и/или значение.

Сначала приводятся два текстовых граффити, во второй части которых полностью меняется смысл пословиц.

TKO LAŽE TAJ I KRADE, / TKO KRADE TAJ I IMA, / TKO IMA / BUDI MU PRIJATELJ /Загреб, 1999/

[Кто лжёт, тот и крадёт; кто крадёт, у того есть много денег; дружи с тем, у кого есть много денег]

Данный текст делится на три части. В первой части приводится пословица *Tko laže, taj i krade* (русский эквивалент *Кто лжёт, тот и крадёт*), в которой выражается определённый тип предупреждения, потому что одна форма негативного поведения легко может превратиться в другую, худшую. В продолжении текста выражается противоположное мнение, оправдывающее именно ту форму поведения, по отношению к которой выражается предупреждение в пословице, и таким образом стирается основная идея паремии. Третья часть текста граффити ещё

¹² См. и в Užarević 2012, 137.

больше удаляется от смысла пословицы, она побуждает к дружбе с состоятельным лицом, несмотря на способ приобретения им имущества.

Tko radi taj i griješi / Tko malo radi malo griješi / Ima ljudi koji uopće ne griješe! /Осиек, 1997/

[Кто работает, тот ошибается; кто мало работает, мало ошибается; есть люди, которые вообще не ошибаются]

Этот текст можно разделить на три степени. В первой, выраженной пословицей *Tko radi, taj i griješi* (русский эквивалент *Кто работает, тот ошибается*), оправдываются возможные ошибки человека в случае, когда он много работает и успевает сделать всё, что надо было. Во второй количество ошибок уменьшается, а в третьей ошибок больше или совсем нет. Но, естественно – отсутствует и работа.

В следующем тексте не без доли юмора смысл пословицы *Griješiti je ljudski* (русский эквивалент *Человеку свойственно ошибаться*) доводится до банальности, т. е. снова стирается основная идея пословицы:

GRIJEŠITI JE LJUDSKI, / ALI AKO VAM SE GUMICA / ISTROŠI PRIJE OLOVKE, / MALO STE PRETJERALI /Дубровник, 1997/

[Человеку свойственно ошибаться, но, если ластик истёрся раньше, чем списался карандаш, вы немного переборщили]

В отличие от этого, в следующем тексте смысл пословицы *Nesreća nikad ne dolazi sama* (русский эквивалент *Бедя никогда не приходит одна*) делается ярче, он как будто становится более опасным, грозным:

NESREĆA NIKAD NE DOLAZI SAMA. / OBIČNO JE U PRATNJI POLICIJE /Дубровник, 1997/

[Бедя никогда не приходит одна. Её обычно сопровождает полиция]

В заключение приведём и случай, в котором пословица *Na greškama se uči* (русский эквивалент *На ошибках учатся*) следует за текстом, точнее с помощью пословицы автор отвечает на заданный вопрос. Снова речь заходит о библейской теме, а ироничный комментарий, выраженный пословицей, имеет гендерный характер:

ZAŠTO JE BOG PRVO STVORIO / MUŠKARCA? / NA GREŠKAMA SE UČI /Загреб, Философский факультет, 1997/

[Почему Бог сначала создал мужчину? На ошибках учатся]

4. В настоящей работе показана только часть материала, собранного в сборнике современных хорватских текстовых граффити. Мы, во-первых, представили несколько, по нашему мнению, оригинальных и эффектных текстов граффити. Но особое внимание мы обратили на тексты, включающие фразеологизмы, пословицы и крылатые выражения, в которых происходит определённый тип семантического преобразования. В заключение можно сказать, что часть хорватских текстовых граффити является весьма интересной как с лингвистической, так и с культурологической точки зрения.